

“

*Рабин смог перенестись в те сферы,
где место слилось с пространством бытия,
а время стало вечностью...*

”

Алек Д. Эпштейн

ОЧЕРКИ ВИЗУАЛЬНОСТИ

**ХУДОЖНИК
ОСКАР РАБИН**
ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ
СУДЬБА

Алек Эпштейн

**Художник Оскар Рабин.
Запечатленная судьба**

«НЛО»

Эпштейн А. Д.

Художник Оскар Рабин. Запечатленная судьба /
А. Д. Эпштейн — «НЛО»,

Это первая книга, написанная в диалоге с замечательным художником Оскаром Рабиным и на основе бесед с ним. Его многочисленные замечания и пометки были с благодарностью учтены автором. Вместе с тем скрупулезность и въедливость автора, профессионального социолога, позволили ему проверить и уточнить многие факты, прежде повторявшиеся едва ли не всеми, кто писал о Рабине, а также предложить новый анализ ряда сюжетных линий, определявших генезис второй волны русского нонконформистского искусства, многие представители которого оказались в 1970-е—1980-е годы в эмиграции. В книгу включены многочисленные архивные фотографии, а также репродукции работ художника.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алек Давидович Эпштейн Художник Оскар Рабин. Запечатленная судьба

О.Я. Рабин и А.Д. Эпштейн в парижской студии художника, 23 ноября 2012 г.
Фото Андрея Кожевникова

*Светлой памяти Александра Оскаровича Рабина (1951—1994) и
Валентины Евгеньевны Кропивницкой (1924—2008)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об Оскаре Яковлевиче Рабине можно прочесть большое количество книг и статей: есть и автобиография, и недавно изданная биография, составленная философом Аркадием Неделем, и сравнительно небольшая по объему, но выпущенная на трех языках книжка, написанная одним из крупнейших российских искусствоведов— Михаилом Германом, не говоря уже о значительном числе посвященных О. Рабину статей и глав в книгах и художественных каталогах. Два альбома, изданных под эгидой Русского музея и Третьяковской галереи в 2007 и 2008 годах, рассказывают о всех периодах его творчества, что, впрочем, не помешало одной организации, аттестующей себя в качестве «лучшего выставочно-аукционного дома мирового класса во Флориде», выставить на продажу пять фальшивых работ художника, при этом указав, будто они каталогизированы и пронумерованы им самим; предлагавшаяся к продаже 733-я работа была будто бы создана в 1994 году (на самом деле— на пятнадцать лет раньше, притом выставлена была совершенно другая картина). Людям, знакомым с подлинными работами О.Я. Рабина, факт подлога был очевиден: разобраться в некачественных подделках произведений визуального искусства нетрудно. С текстами же дело обстоит существенно сложнее...

Мало кто помнит, что книгу, название которой переводится с французского как «Художник и бульдозеры. Быть живописцем в Советском Союзе», от имени Рабина написала французская журналистка Клод Дей (ее имя не значится на обложке книги, но фигурирует на титульном листе); с Оскаром Яковлевичем она беседовала подробно и обстоятельно, но саму книгу, вышедшую по-французски в 1981 году, художник, живший к тому времени во Франции всего три года, прочесть не мог, поэтому автобиографией этот том можно назвать весьма условно, не говоря уже о том, что хронологически книга заканчивается лишением Рабина советского гражданства; с тех пор прошло тридцать пять «не таких уж и легких лет», в течение которых мастером были созданы сотни работ. Вышедшая в 1986 году книга на русском языке «Три жизни», не содержащая никакого упоминания о Клод Дей, на самом деле представляет собой сокращенный перевод французского издания (имена переводчиков не указаны), отредактированный Александром Глезером; сам художник практически не принимал участия в подготовке этой книги— и даже не вычитывал рукопись.

Настоящие воспоминания Оскар Рабин писать не собирается, о чем и сказал в интервью Юрию Коваленко: «Мемуары сочинять мне не хочется, потому что я осознаю свою посредственность в литературном плане»¹. С Аркадием Неделем, приглашенным быть его биографом, художник прекратил общение на самых начальных этапах работы, подчеркнув: «Я не принимал участия в написании книги и даже ее не читал»². В итоге автор монографии «Оскар Рабин. Нарисованная жизнь», вышедшей в 2012 году, в значительной мере пересказывает книгу, выпущенную за четверть века до этого— «Три жизни», и дополняет ее другими косвенными свидетельствами, но в ней голос самого художника не звучит. Не звучит он и в очерке, написанном Михаилом Германом, который заранее предупредил читателей: «На этих страницах не будет подробного рассказа о страницах жизни Оскара Рабина»³, после чего автор отсылает читателей к тем же «Трем жизням». В альбомы, изданные под эгидой Русского музея, также не включены интервью с художником, а в альбоме, выпущенном ГМИИ

---

¹ Коваленко Ю. Оскар Рабин: «В России победило вторичное прозападное искусство» (Интервью с Оскаром Рабиным) // Культура. 2010. 17 июня.

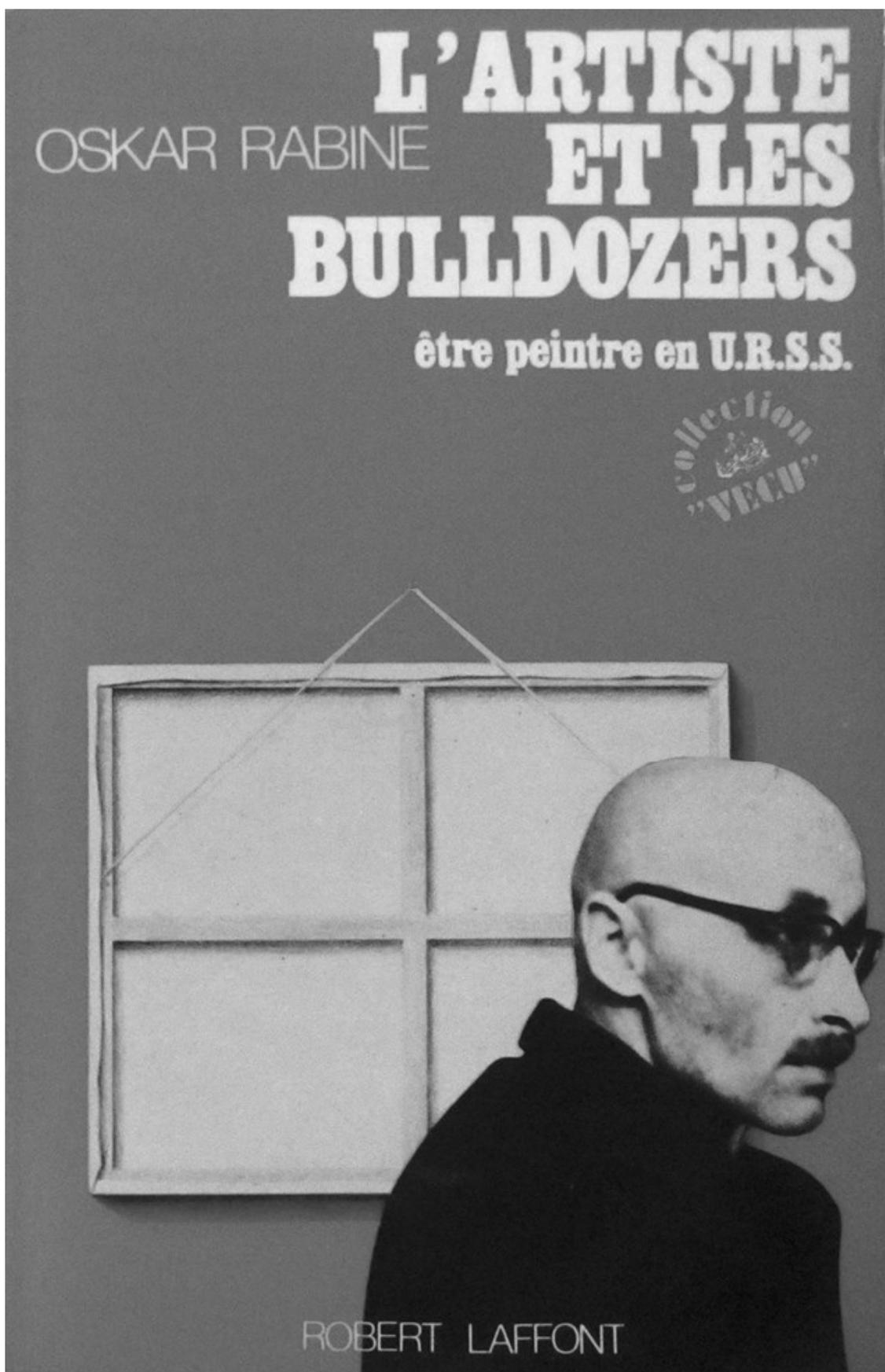
² Коваленко Ю. Указ. соч.

³ Герман М. Оскар Рабин. М.: Третья волна— Останкино, 1992. С. 19.

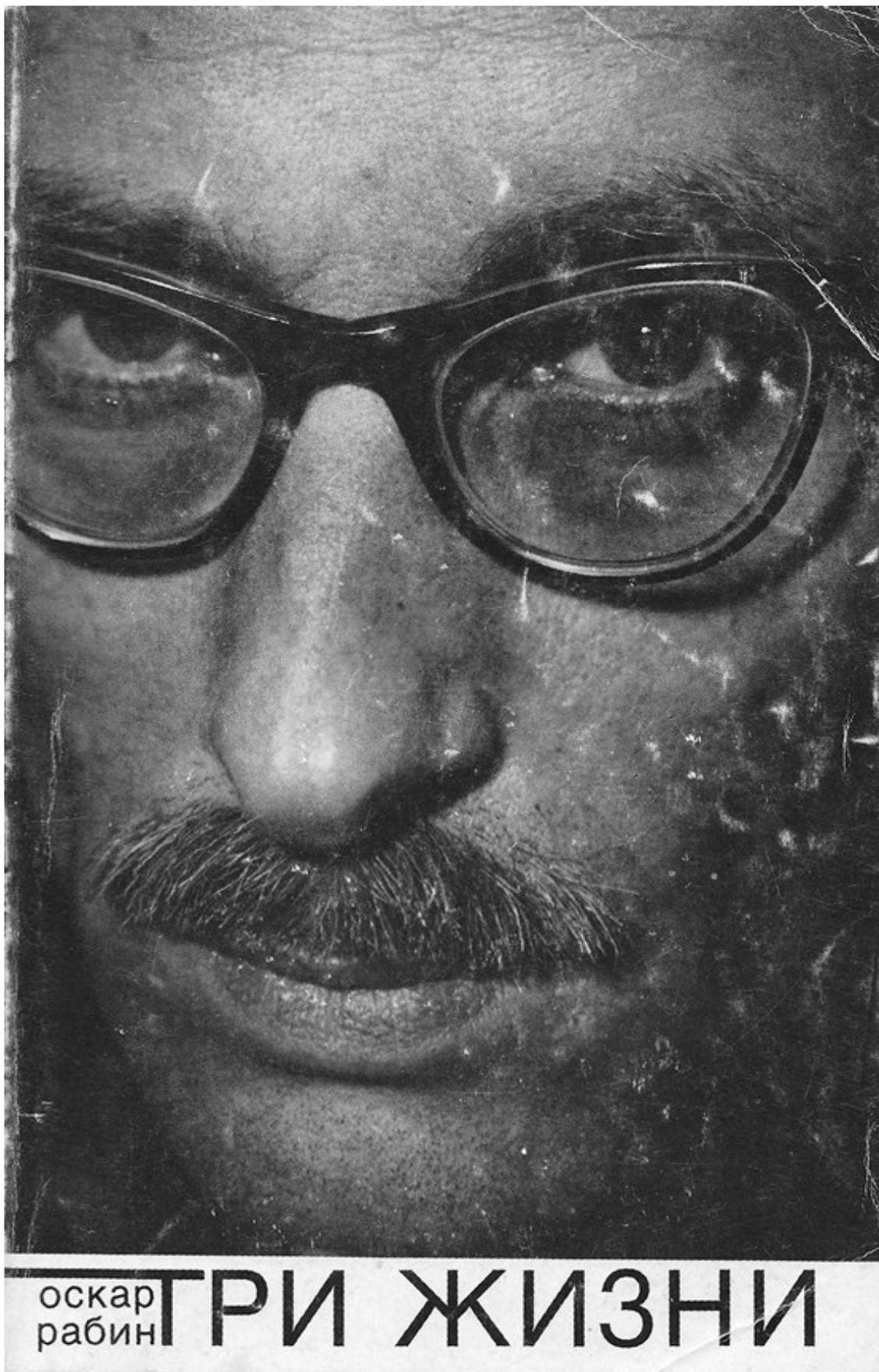
в 2007 году, опубликован фрагмент из той самой книги, составленной Клод Дей более чем за четверть века до этого...

Оскар Рабин и Клод Дей на новоселье у Александра Глезера в Черкизово, Москва, 1969 г. *Фото Игоря Пальмина*

Обложка французского издания книги, подготовленной Клод Дей на основании многочисленных бесед с Оскаром Рабиным и вышедшей на французском языке под заголовком «Художник и бульдозеры» (Париж: Robert Laffont, 1981)

оскар
рабин

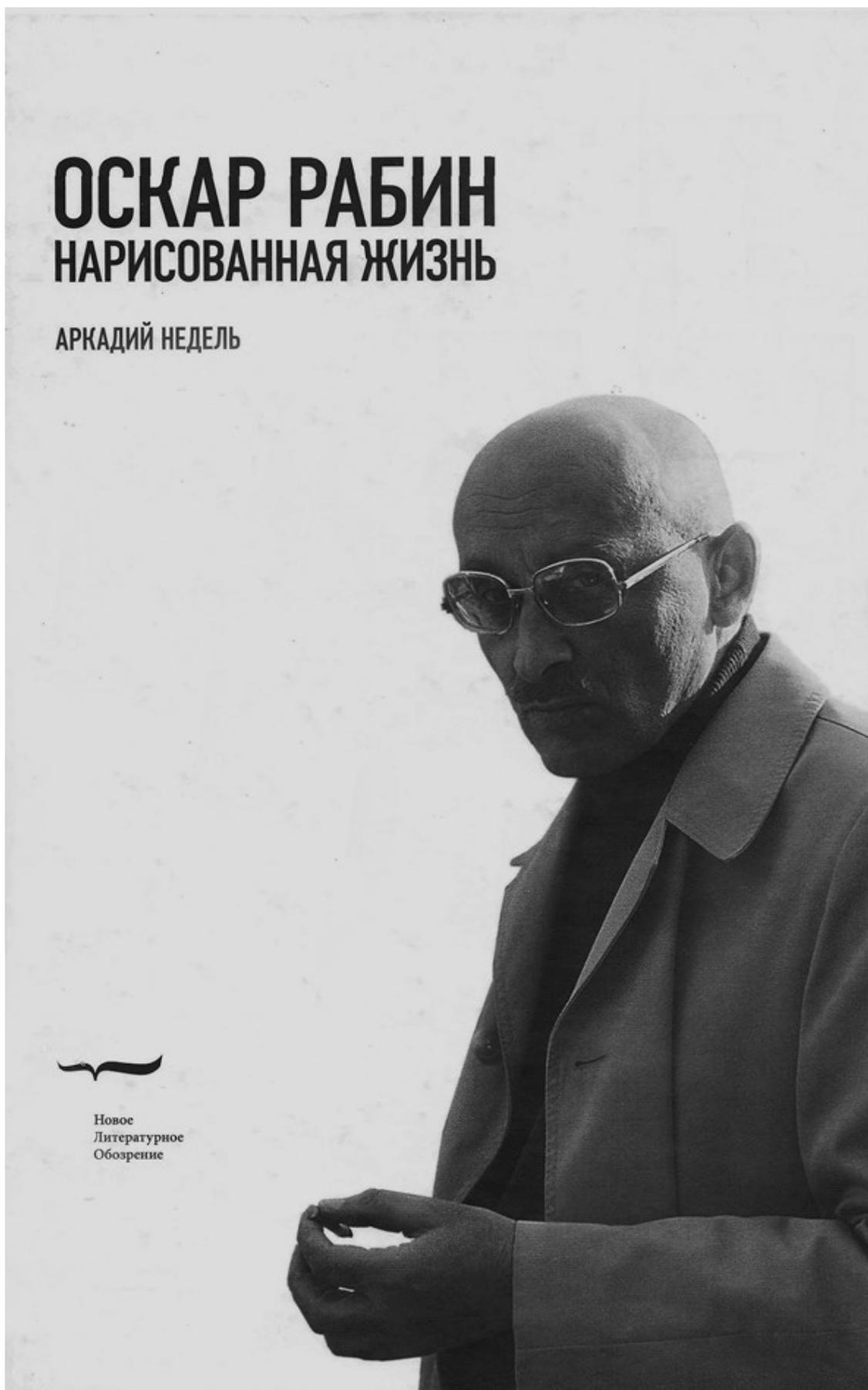
ТРИ ЖИЗНИ

Книга, написанная Клод Дей на основании бесед с Оскаром Рабиным, была издана в 1986 году издательством «Третья волна» в сокращенном переводе на русский язык без упоминания ее заглавия. Обложка и титульный лист книги создавали впечатление, будто речь идет о написанной художником автобиографии. На самом деле никаких сочинений Оскар Рабин никогда не писал и по-русски не диктовал.

Рассредоточенные по многочисленным периодическим изданиям интервью – единственная возможность понять, что думает сам Оскар Рабин о своей судьбе и о своем творчестве. Напечатанные в различных журналах и газетах, размещенные на порталах, эти интервью не собраны в каком-либо издании или на интернет-сайте. При этом журналисты перед публикацией изредка посылают Оскару Рабину тексты интервью для предварительного просмотра, вследствие этого в опубликованных будто бы «от первого лица» сведениях встречаются ошибки и искажения самого разного характера. Изучив десятки записанных бесед Оскара Рабина с корреспондентами «Известий» и «Новой газеты», «Нового времени» и «Итогов», «Огонька» и «Коммерсанта», «Московского комсомольца» и «Независимой газеты», «Культуры» и Time Out Moscow, «Частного корреспондента» и «Труда», РИА «Новости» и «Эха Москвы», Международного французского радио и ряда других изданий и прочитав его интервью, опубликованные в таких журналах, как «Новое литературное обозрение», «Диалог искусств» и «Вопросы искусствознания», в 2012—2014 годах мы шесть раз встретились с самим художником, любезно принявшим нас в своей парижской студии, чтобы побеседовать с Оскаром Рабиным и уточнить детали, значимые для воссоздания его творческой биографии. В конце нашей работы Оскар Яковлевич внимательно прочитал весь текст книги, в которую после дополнительного обсуждения были внесены некоторые исправления. Кроме того, художник позволил нам сфотографировать работы, находящиеся в его студии, часть из них никогда не выставлялась и не репродуцировалась, а также передал некоторые архивные фотографии, бережно хранимые им на протяжении многих лет. О.Я. Рабин – художник, разговаривающий со зрителем прежде всего посредством своих картин, и, как представляется, он был едва ли не самым последовательным приверженцем реализма в искусстве советского времени. Его полотна глубоко автобиографичны, поэтому рассказ о жизни и судьбе О.Я. Рабина – совершенно необходимый ключ к пониманию его творчества.

Небольшая книга М.Ю. Германа «Оскар Рабин» (Москва: Третья волна—Останкино, 1992) – первая монография о художнике. Была издана стараниями А.Д. Глезера на русском, английском и французском языках. На обложке – репродукция картины О. Рабина «Натюр-морт с рыбой и газетой “Правда”», 1968 г.

Обложка книги Аркадия Неделея «Оскар Рабин. Нарисованная жизнь» (Москва, 2012)

Книга Аркадия Неделея называется «Оскар Рабин. Нарисованная жизнь». Мне кажется, дело обстоит с точностью до наоборот: на своих холстах Оскар Рабин запечатлел прожитую жизнь. Альбом, в котором собраны репродукции его работ, подобен семейной фотолетописи, в которой прорисованы лица родных и друзей, равно как мест и образов, наложивших отпечаток на его сердце. Творчество О.Я. Рабина невозможно понять только в контексте истории искусства; его биография – главное подспорье для понимания сюжетов и образов на его холстах. Именно поэтому, какой бы ни была техника, используемая им, будь то живопись экспрессионистов или коллажи кубистов, О.Я. Рабин – ярчайший социальный реалист, прямой наследник этики художников-«передвижников» в русском искусстве, в чьих произведениях отчетливо звучит нота грусти человека, прожившего долгую жизнь в крайне непростой и для русского искусства, и для еврейского народа век.

* * *

Многие люди помогали мне в работе над книгой, замысел которой я вынашивал несколько лет, и я не в силах перечислить всех. Моя особая благодарность художнику и скульптору, главному редактору легендарного журнала «А—Я» Игорю Сергеевичу Шелковскому (Эланкур, Франция); подвижникам-летописцам второй волны русского авангарда прекрасным фотохудожникам Игорю Анатольевичу Пальмину (Москва) и Владимиру Васильевичу Сычеву (Берлин); вдумчивому литератору и чуткому зрителю Нине Григорьевне Хеймец (Иерусалим), с которой мы вместе годами посещали выставки О.Я. Рабина и художников его круга, после чего ночи напролет обсуждали увиденное; искусствоведам Галине Вадимовне Ельшевой и Александре Александровне Смык (Москва); и, конечно, моему другу Андрею Борисовичу Кожевникову, сопровождавшему меня во все время работы над книгой во Франции. Всем им и другим – огромное спасибо!

I

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Первые четверть века жизни – время, которому уделяется мало внимания в исследованиях, посвященных О.Я. Рабину, поскольку ни в одном из изданных альбомов его творчества не воспроизведено ни одной картины, созданной им тогда; как следствие, искусствоведам и писателям не о чем. В небольшой книжке Михаила Германа самые ранние из упомянутых работ – «Барак» 1958 года (в другом издании картина озаглавлена «Барак с луной» и датирована 1959 годом) и «Цистерна» 1959 года. В книге Аркадия Неделея в качестве первой репродукции дана картина «Помойка № 8» 1958 года, в альбоме-каталоге семейной выставки Оскара Яковлевича, Валентины Евгеньевны и их сына Саши, организованной в ГМИИ в 2007 году, одни из наиболее ранних – «Вертолет» и «Платформа Лианозово» 1958 года. В обоих альбомах, опубликованных под эгидой Русского музея, – и в издании 2007 года, и в самом большом альбоме «Три жизни» 2008 года, – первая из воспроизведенных работ – «Ночь» 1957 года. В номере журнала Art Exis, целиком посвященном О.Я. Рабину, самая ранняя статья – воспоминания Льва Кропивницкого, озаглавленные «1956. Начало формирования “Лианозовской группы”». О.Я. Рабин настолько прочно ассоциируется в сознании интеллигенции с «ранними шестидесятниками», что его жизнь при Сталине оказывается своего рода «подводным айсбергом», о котором ничего и не напишешь. Однако первые четверть века – время, наложившее на О.Я. Рабина заметный отпечаток. Еще до достижения 25-летия он познакомился с тремя главными людьми своей жизни: учителем Евгением Леонидовичем Кропивницким, его дочерью Валентиной, ставшей супругой и соратницей художника почти на шесть десятилетий, и Генрихом Сапгиром, с кем Рабин связывала крепкая дружба на протяжении долгих лет. Именно из этого «подводного айсберга» «выросло» то, что нашло отражение в творческом пути выдающегося художника.

Оскар Рабин появился на свет 2 января 1928 года в Москве. Его родители, оба врачи, познакомились в Швейцарии, где учились в Цюрихском университете. Отец по этническому происхождению был украинским евреем, а мать, Вероника Леонтина Андерман, – латышка. Папа умер, когда Оскару было пять, а в тринадцать лет он стал круглым сиротой. По его воспоминаниям, перед смертью мама подозвала его к себе и попросила, чтобы он съездил в гостиницу «Москва», где остановился ее старый знакомый, профессор-биолог Август Кирхенштейн, которому удалось эвакуироваться из оккупированной немцами Риги, о чем мама прочла в газете. Когда-то они вместе учились в университете, и Кирхенштейн был даже влюблен в Веронику, которая, однако, предпочла ему Якова Рабина... Август Мартынович Кирхенштейн был, по словам О.Я. Рабина, «...полным антиподом моему отцу, а значит – коммунистом, националистом и антисемитом. И к этому человеку мама, совершенно отчаявшись, послала меня за помощью. Я пришел к нему в гостиницу “Москва”. Профессор в очках записал все, что я сказал, и обещал зайти. Несколько дней спустя он действительно появился у нас с большим пакетом в руках. В нем были лекарства и витамины. Вид матери и вся наша крошечная нищета буквально оглушили Кирхенштейна. Не зная, как вести себя, он задал несколько вопросов и поспешил уйти. Витамины и лекарства были, безусловно, царским подарком. Но мать печально вздохнула: “Лучше бы он буханку черного принес...” Вскоре мамы не стало»⁴.

---

⁴ Привалов К. Реальный Оскар (Интервью с Оскаром Рабиным) // Итоги. 2012. № 6 (817). 6 февраля. С. 56.

Август Кирхенштейн (1872—1963) был человеком с непростой судьбой, сделавшим при советской власти феерическую карьеру, несмотря на то что, будучи ученым-микробиологом, принадлежал к сословию, далекому от рабоче-крестьянской среды. Он родился в поселке (сейчас— город) Мазсалаца Валмиерского района Латвии, в 1901 году окончил Юрьевский ветеринарный институт (теперь входящий в Тартуский университет), после чего работал ветеринарным врачом. Официальная биография, составленная уже при советской власти, гласит, будто в 1905 году Август Кирхенштейн принимал активное участие в революционных событиях, вследствие чего после подавления мятежа подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать. Вероятно, это было не совсем так: младший брат Августа Кирхенштейна Рудольф (1891—1938), который был моложе его на девятнадцать лет, отсчитывал свой стаж в рядах РСДРП с 1907 года, тогда как сам Август, по словам современной исследовательницы, «медлил до последнего» и вступил в ВКП(б) только в 1941 году⁵, уже после оккупации советскими войсками Латвии. Когда в сентябре 1940 года было сформировано Бюро ЦК Коммунистической партии Латвии, А.М. Кирхенштейн, будучи номинальным главой республики, не был включен в его состав⁶. Оказавшись в эмиграции, А.М. Кирхенштейн не занимался подготовкой мировой революции. Вместо этого в Цюрихе он прослушал курс лекций по зоологии и бактериологии, а в 1911 году устроился на работу в Институт по исследованию туберкулеза; за 1911—1914 годы он написал двенадцать научных работ. Первая мировая война застала его в Сербии, где он был призван и в 1914—1916 годах служил в сербской армии в качестве врача-бактериолога. В 1917 году он вернулся в Латвию и стал одним из организаторов Сельскохозяйственной академии. В 1923 году А.М. Кирхенштейн первым в Латвийском университете защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора агрономических наук, которая была посвящена внутреннему строению и развитию бактерий. По его инициативе при университете в 1923 году была создана серологическая станция, из нее позднее вырос Институт микробиологии АН Латвийской ССР. С 1923 года был профессором кафедры микробиологии Латвийского университета и никаким политическим преследованиям не подвергался. Кто погрузился в революционную деятельность, так это младший брат Кирхенштейна Рудольф, еще в 1914 году мобилизованный в русскую армию. В 1918 году он перешел на сторону красных, был комиссаром полка и командиром роты четвертого Латышского стрелкового полка. В 1920 году Рудольф окончил курсы разведки и военного контроля, после чего был направлен резидентом в Германию, затем— в Англию, в Москву для штабной работы в Разведуправлении штаба Красной армии и в другие командировки: в Италию, Австрию, Чехословакию...

27 ноября 1937 года по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности» был арестован многолетний руководитель военной разведки латыш Ян Берзин, после чего начались аресты его сподвижников. Рудольф Кирхенштейн был арестован 2 декабря 1937 года и, как и Я.К. Берзин, вскоре расстрелян. Как и в случае с братьями Вавиловыми, арест и последующая гибель одного члена семьи никак не повлияли на доверие власти к другому: в 1945 году, спустя пять лет после задержания и спустя два года после смерти в тюрьме Николая Вавилова, его младший брат Сергей стал президентом Академии наук СССР— на этом посту он оставался до своей кончины в 1951 году, успев за эти годы дважды быть «избранным» депутатом Верховного Совета СССР. В 1940 году, спустя три года после ареста и два года после расстрела Рудольфа Кирхенштейна, его старший брат Август был назначен советской властью сначала временным премьер-министром и президентом Латвии, а затем— председателем Президиума Верховного Совета Латвийской ССР— этот пост он занимал двенадцать лет, до 1952 года. Прав ли Оскар Рабин, считая профессора

---

⁵ Зубкова Е. Прибалтика и Кремль, 1940—1953. М.: РОССПЭН, 2008. С. 274.

⁶ Там же. С. 106.

А.М. Кирхенштейна националистом, сказать трудно, а вот коммунистом он явно был только «на бумаге»; так, в 1946 году московский надзиратель, руководитель контрольно-инспекционного имперского органа– Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии– В.Ф. Рязанов докладывал, что руководители партии, правительства и госбезопасности Латвийской ССР «т.т. Калнберзин, Лацис и Новик пересажали в тюрьмы латышский народ, проводят политику разорения Латвии»⁷. 74-летнего «президента» республики, на тот момент номинального, не тронули, скорее всего, потому, что, как отмечал все тот же В.Ф. Рязанов, А.М. Кирхенштейн «практического влияния на политические и хозяйственные дела в республике не имеет»⁸.

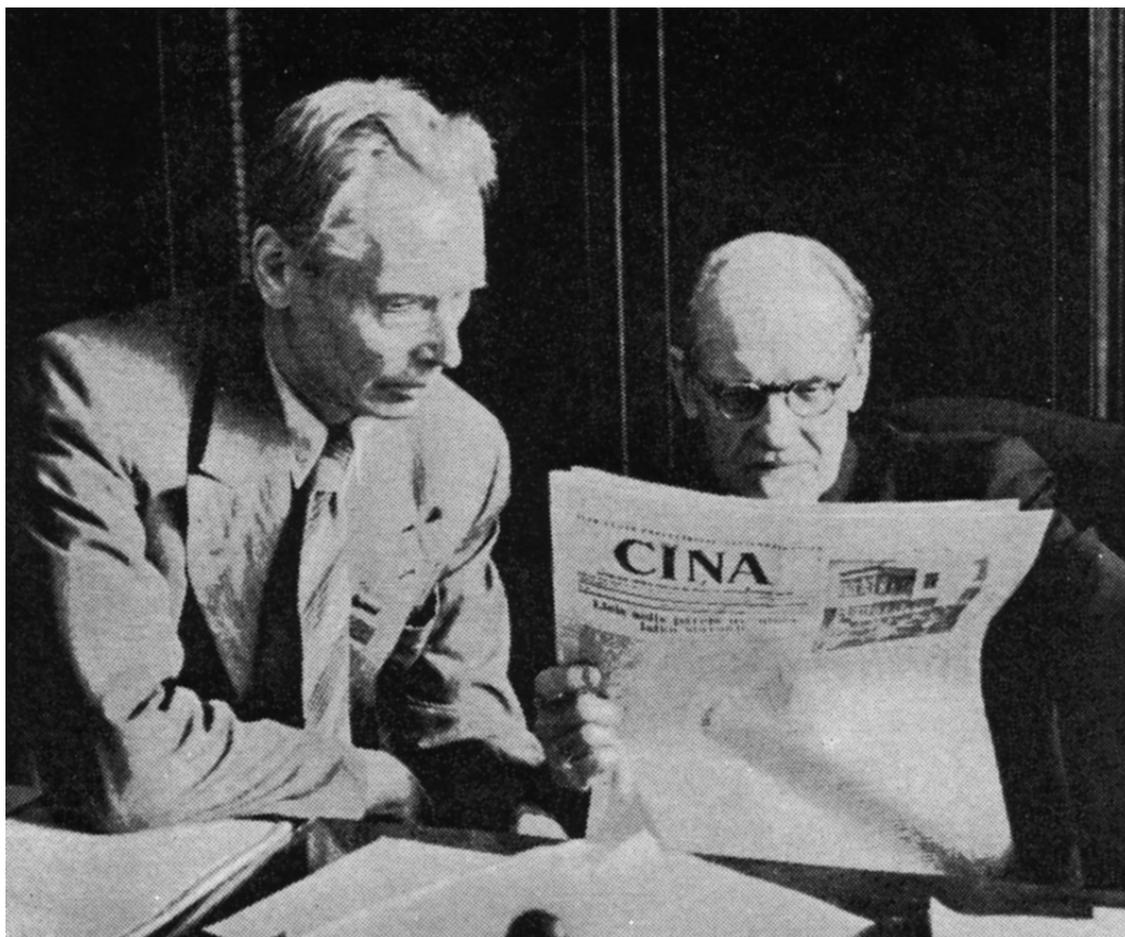
---

⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии за 1946 г., находящийся в РГАСПИ, цит. по: Зубкова Е. Указ. соч. С. 277.

⁸ Там же.

Август Кирхенштейн – профессор Латвийского университета

Август Кирхенштейн (справа) и заместитель председателя Президиума Верховного совета Латвийской ССР, председатель правления Союза писателей республики, лауреат Сталинской премии Андрей Упит за чтением газеты «Борьба»

С А.М. Кирхенштейном судьба свела Оскара Рабина еще раз, в 1944 году, и произошло это при обстоятельствах, оказавших значительное влияние на последующее творчество художника. Когда советские войска выбили немцев из Латвии, шестнадцатилетний юноша, совершенно не имевший в Москве средств к существованию, получил письмо от сестры своей покойной матери, тети Терезы, приглашавшей его к себе на хутор под Ригу. Художник вспоминал: «Меня не остановило даже отсутствие документов, необходимых для совершения такого путешествия. Дело в том, что, когда в 1944 году мне исполнилось шестнадцать, оформлять паспорт в милицию я не пошел. Из-за робости, неуверенности, по глупости меня, тощего долговязого подростка, дразнили очкариком. “И так проживу”, – успокаивал я себя. А тут надо было ехать аж до самой Риги. Впрочем, покупать билет я вовсе не собирался. Решил сесть в поезд не в Москве, а на одной из подмосковных станций. Мороз стоял страшный, на мне, кроме маминого демисезонного пальтишка, ничего не было...»⁹

Однако некоторое время спустя появилась группа солдат, которая проверяла пассажиров и требовала от каждого, кто был в поезде, предъявить паспорта. «Меня била крупная дрожь, я мотал головой и, как заведенный, твердил только одно: “Документов и денег у меня нет... Но с поезда не сойду...” Солдаты посмотрели на меня, выругались и отстали. Двое

⁹ Привалов К. Реальный Оскар. С. 57. По словам Оскара Рабина (личная беседа, 8 ноября 2013 г.), приписываемые ему в этом интервью утверждения, будто он «решил сесть в поезд – на крышу или между вагонами», а затем «ухитрился устроиться на буферах между вагонами», не соответствуют действительности.

суток я не спал и не ел, но до Риги доехал»¹⁰. Вероятно, именно в этой поездке шестнадцатилетнего юноши, чуть не стоившей ему жизни, и нужно искать первопричины его полувекковой поглощенности рисованием паспорта и других документов.

Теперь оставалось только добраться до хутора, в котором жила тетя Тереза. Об этом преодолении не слишком большого расстояния— 24 километра— без денег и документов, в условиях военного времени— Оскар Рабин с содроганием вспоминает и сейчас. Добравшись, он начал осваиваться в латышской деревне, помогая крестьянам. «Когда же нашел на чердаке старую коробку с акварельными красками, жизнь вообще показалась едва ли не прекрасной»¹¹.

Продемонстрировав приемной комиссии несколько выполненных им пейзажей, натюрмортов и портретов, О.Я. Рабин был принят в Рижскую академию художеств, где и начал учиться, но жить в городе ему было совершенно негде. Ночевал он в самом здании Академии художеств: поздно вечером, цепляясь за каменные узоры фасада, залезал в мастерскую, на второй этаж, где брал ткани, служившие фоном для натурщиков, обматывался ими, чтобы согреться, и ложился на узкую кушетку. А утром, к приходу сторожа, уже сидел за мольбертом и рисовал. Преподаватели не могли надивиться такому трудолюбию...

Но хуже неприкаянности был голод. Продуктовых карточек у начинающего художника не было— все из-за отсутствия того же злосчастного паспорта. Начались и вызовы в милицию: «Предоставьте паспорт или уезжайте к себе в Москву». На этот раз тетя Тереза вспомнила об Августе Кирхенштейне, сказав своему племяннику: «Он был так влюблен в твою маму... Он поможет». Профессор-микробиолог был в то время председателем Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Тетя позвонила в приемную профессора, который согласился принять сына той, которая так и не стала его женой. Впрочем, у Оскара эта встреча оставила неоднозначные воспоминания: «Когда я вошел в изношенном чуть ли не до дыр пальто матери в огромный кабинет Кирхенштейна, меня встретил тот же недобрый взгляд маленького профессора. Почти не разжимая губ, он признался, что, хоть я того и не стою, в память о моей матери он постарается мне помочь. Взял клочок бумаги и написал на нем несколько строк. Но прежде чем отдать бумажку, заявил: “Здесь, в Латвии, нам евреи не нужны. Мать твоя была латышкой, поэтому ты должен взять ее национальность”»¹². Оскару было абсолютно все равно, к какой национальности быть причисленным, но вот когда А.М. Кирхенштейн потребовал, чтобы он сменил фамилию отца на девичью фамилию матери, юноша уперся: «С какой стати?» По его словам, А.М. Кирхенштейн «скривился», но протянул ему заветную бумажку. На другой день в милиции ему выдали паспорт с еврейской фамилией Рабин и надписью «латыш» в графе «национальность».

Однако на этом «паспортная сага» не закончилась... Побывав после победы в Москве, Оскар осознал, что жить ему там совершенно негде: Лида, приемная дочь его родителей, с которой он с тех пор никогда не встречался и даже не переписывался, вышла замуж, и в комнате, которую раньше они с ней делили на двоих, жила теперь со своим мужем. Оскар ночевал у знакомых, спал кое-как, иногда на полу. Его приняли в Суриковский институт и даже прописали в общежитие, но юноше не было выделено места, и ему стало негде жить. «От занятий,— как он вспоминает,— тошнило, с любовью дела тоже обстояли совсем плохо, я не умел ухаживать, был неловок, молчалив»¹³, часами простаивая под окном у нравившейся ему девушки, вызывая недоброжелательные пересуды соседок. О.Я. Рабин принял решение вернуться в Ригу, забыв выписаться в московской милиции. Приехав в Ригу и вспомнив об

---

¹⁰ Там же. С. 57. Подобное описание см. в книге: *Рабин О.* Три жизни. Париж-Нью-Йорк: Третья волна, 1986. С. 13—14.

¹¹ Там же.

¹² *Привалов К.* Реальный Оскар. С. 57. Подобное описание см. в книге: *Рабин О.* Три жизни. С. 15—16.

¹³ *Рабин О.* Три жизни. Париж-Нью-Йорк: Третья волна, 1986. С. 19.

этом, он нарисовал в паспорте фальшивую печать о выписке из Москвы. В рижской милиции в его документ никто не стал всматриваться, и все сошло благополучно, но когда летом 1947 года О.Я. Рабин окончательно покинул Ригу и вернулся в Москву, то из страха, что поддельная печать в паспорте может его погубить, разорвал паспорт и остался вообще без всяких документов. Без паспорта он не мог получить продуктовых карточек, привезенные из Риги деньги очень скоро закончились, и художник остался без куска хлеба и без крыши над головой. Он ночевал в подъездах, на вокзалах, под лестницами, пока в начале 1948 года ему не удалось устроиться разнорабочим на стройку (а затем— грузчиком на одном из московских инструментальных заводов) и получить койку в рабочем общежитии. Новый паспорт он смог получить только в 1950 году...

О своем отношении к документам, сформированном еще в 1940-е годы, когда из-за их отсутствия он не имел ни своего угла, ни продуктовых карточек, Оскар Рабин не раз говорил в беседах с журналистами. «Пока мы живем на земле, нашу личность удостоверяют бумаги. Но в Советском Союзе этой бумаге придавалось едва ли не сакральное значение. Столичная прописка разграничивала граждан на достойных и недостойных. У остальных не было даже Юрьева дня»,— говорил он в 2008 году¹⁴. «В Союзе просто за паспортом стояла судьба всего народа. Господи, там и прописка, и национальность, и не человек ты, если этой бумажки нет. Бог знает что за этим стояло всегда, и это как-то передавалось. Ведь когда я уезжал, мне разрешили взять всего семь работ, но вот мой “Паспорт” не разрешили вывезти, категорически сказали: “Нет”. Почему? Ничего там не написано антисоветского, но они сами поняли, что это не просто бумажка»,— вспоминал он тридцать пять лет спустя¹⁵. Работа «Паспорт» существует в двух версиях, созданных с интервалом в восемь лет: в 1964 и 1972 годах. Они практически идентичны, но во втором варианте добавлена строка «место смерти», в реальном документе, разумеется, не существующая. Данный художником ответ («под забором?... в Израиле?») свидетельствует о том глубочайшем чувстве неуверенности в завтрашнем дне, в котором он пребывал до «бульдозерной» выставки. Картина не оказалась пророческой: Оскар Рабин явно не закончит свои дни в нищете и безвестности «под забором», что же касается Израиля, то в этой стране он так никогда и не побывал даже туристом; к сожалению, там не было и ни одной его выставки.

Рабин не философ, и, как бы его ни упрекали в 1960—1970-е годы в искажении действительности, на самом деле в истории искусства советского времени трудно найти художника, тематика и эстетика произведений которого была бы настолько реалистичной и автобиографичной, как это было у Оскара Рабина. Его отношение к документам сформировалось не под влиянием тех или иных мыслителей-антиэтатистов (он едва ли читал хоть кого-то из них), но под воздействием неприкаянности и голода, вызванных отсутствием «бумажек». «Пока мы живем на земле, нашу личность удостоверяют бумаги», но для Оскара Рабина значимы только те из них, которые определяли его жизнь в годы отрочества и юности. «Когда я получил французское гражданство, то думал— вот и тут я напишу паспорт. И знаете, ничего не получилось,— рассказывал он в одном интервью.— Потому что французский паспорт— просто формальная бумажка, за которой ничего не стоит— ни трагедии человеческой, ни притеснений. Коли она у тебя есть, ты просто гражданин Франции и ты все имеешь. И такую бумажку мне было просто неинтересно рисовать...»¹⁶ «У меня два паспорта, если говорить о документах, а на картинах— только русский, советский. Пытался рисовать французский паспорт, но ничего не получается— едва ли не сокрушался он в другом.— Почему? За ним не

---

¹⁴ Чернышева В. Художник и дважды гражданин (Интервью с Оскаром Рабиным) // Независимая газета— Антракт. 2008. 17 ноября.

¹⁵ Иванова Е. Реализм без ностальгии (Интервью с Оскаром Рабиным) // Салон недвижимости. 2013. Август.

¹⁶ Старовойтенко Н. Лианозовское баракко. Оскар Рабин— в Третьяковской галерее // New Times/Новое время. 2008. №43. 27 октября.

стоит ничего. Бумажка– и больше ничего. А за советским– судьба всего народа. Без этой казенной бумажки я был словно преступник. Тема драматическая, благодарная...»¹⁷

Как представляется, образованные искусствоведы искали ключи к пониманию творчества О.Я. Рабина не совсем там, где их стоило бы искать: они то утверждали, что его живопись «зигждется на заостренной почти до карикатуры эстетике авангардистов из “Бубнового валета”»¹⁸, то декларировали, что «его искусство– это такой “Бубновый валет”, лишенный его буйной радости, мрачный “Бубновый валет”»¹⁹. Если к картинам О.Я. Рабина и можно протянуть те или иные связующие нити от произведений российских художников, то от полотен А.В. Куприна или Р.Р. Фалька, а не от т.н. «соцреалистов», К.С. Малевича или других адептов абстрактного искусства. Но и эти связи представляются надуманными: если бы О.Я. Рабин искал, под чье «передовое» влияние попасть, его искусство не было бы таким внутренне целостным на протяжении вот уже полувека, за которые он утвердился именно как самобытный, ни на кого не похожий художник, раскрывающий в своих произведениях не эстетические принципы, а собственную судьбу в контексте судьбы своего круга и своего поколения. В беседе с Андреем Ерофеевым Оскар Рабин обозначил это предельно четко, и, думается, что эти слова могут быть вынесены в качестве эпиграфа, объясняющего сущностные истоки творчества художника: «После смерти Сталина жизнь, пробив асфальт и вылезая наружу, внешними формами и эстетическими направлениями не занималась. Не до этого было. Важнее всего было осознать и понять свою человеческую личность, свою личную эстетику, личную способность к творческому выражению– а в какой форме, к какому направлению это можно будет отнести, было несущественно. Любая форма, которая пришла под руку, использовалась. Нам надо было прокричать свое, а что под руку подвертывалось, абстрактный ли, экспрессионистический ли прием, какие материалы, это было вторично»²⁰. Рабину не была важна форма, он никогда не рисовал «композиций № 7» и не стремился подражать геометрическому абстракционизму, уделяя все внимание своему «чувству реальности» и запечатлевая на своих полотнах то, что составляло окружавший его мир. Какова бы ни была его палитра, какие бы художественные течения и доктрины ни вспоминались на его выставках, Оскар Рабин– подлинный и последовательный социальный реалист, который пишет лишь то, что было пережито им. Он рисует на своих портретах людей, бывших ему родными и близкими, и тот паспорт, отсутствие которого едва не стоило ему жизни.

Рига, однако, не стала для молодого О.Я. Рабина, пусть и с паспортом в кармане, родной. Через два года он вернулся в Москву– к тому, кого он еще в отрочестве выбрал своим главным Учителем, кто позднее стал его тестем и с чьей дочерью он прожил 58 гармоничных лет. Возвращение стало правильным решением, оказавшим судьбоносное влияние на всю последующую жизнь О.Я. Рабина, но и по прошествии шести с половиной десятилетий он не может объяснить свой поступок: «Но почему-то знаете, это трудно словами объяснить, но почему-то вдруг меня потянуло обратно в Москву, а тут еще Генрих [Сапгир] приехал туда. Мы с ним там ходили, разговаривали. Я так на недельку съездил в Москву, посмотрел, уехал обратно в Ригу, и не выдержал там уже больше. Потом плюнул на все, бросил, приехал в Москву, поступил грузчиком работать, нет, не грузчиком, я сначала в Суриковский [институт] поступил»²¹.

---

¹⁷ Привалов К. Реальный Оскар. С. 63.

¹⁸ Кулик И. Оскар Рабин предъявил себя в развернутом виде // Коммерсантъ. 2008. № 198 (4015). 30 октября.

¹⁹ Алексеев В. Награждены Оскаром Рабиным (Интервью с Оскаром Рабиным) // Новая газета. 2007. 26 марта.

²⁰ Erofeev A. The Retromodernists. Describing Reality in the Language of Early Twentieth-Century Culture // Breaking the Ice: Moscow Art 1960's– 1980's. Moscow: MAIER Publishing, 2012. P. 76.

²¹ Стенограмма радиоэфира «Эхо Москвы» от 5 апреля 2009 г. «Собрание Третьяковки: картина Оскара Рабина “Один рубль”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.